

СОДЕРЖАНИЕ

Почему была написана эта книга	6
Подлинная история Николая Кузнецова: обер-лейтенант Пауль Зиберт и несостоявшаяся охота на «Большую Тройку» в Тегеране	8
Дело комиссара Люшкова	103
«Красная капелла» против «Барбароссы»	152
Кем был Штирлиц?	192
Головокружение от успехов после Московской битвы	203
Дело майора Рейхеля	214
По следам советских Штирлицев	223
Воздушные замки, или Как генерал Кириченко орден Ленина заслужил	239
Вместо агентов — «языки»	256
Тайна Рудольфа Ресслера	260
Что произошло под Курском	281
Крах генерала Соколовского	305
Кто предал Зою Космодемьянскую	339
Был ли Папаша Мюллер советским агентом	343
«Смерш» без карнавальной маски	356
Примечания	380

ПОЧЕМУ БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА

О советских и германских спецслужбах в годы Второй мировой войны писали много, но неясно. Разведки умеют хранить свои тайны, а правительствам частенько и полвека спустя невыгодно их раскрывать. Нередко правда о разведывательных и контрразведывательных операциях может основательно подорвать международную репутацию страны. Архивы спецслужб, как правило, закрыты для независимых исследователей. Публикации же, осуществляемые самими разведывательными организациями в сотрудничестве с «дружественными» историками, представляют собой причудливую смесь правды, полуправды и красивых мифов, и здесь очень трудно отделить зерна от плевел. Порой имеющиеся материалы позволяют построить несколько взаимоисключающих версий одного и того же события, ни одна из которых не может быть строгим образом подтверждена или опровергнута. Неслучайно о шпионах всего мира написано гораздо больше романов или беллетризованных повествований неопределенного жанра, чем собственно документальных исследований. В романах очень много места уделяется романтике профессии разведчика. Мы узнаем, как он ловко уходит от слежки, как напряженно вглядывается в дождливую ночь, ожидая агента с ценной информацией. Но вот что это была за информация, как использовалась в дальнейшем, повлияла ли на судьбы мира и исход войны, обычно сообщается довольно скупо.

В романах и документальных книгах про разведчиков сведения, добываемые героями, всегда имеют чуть ли ни решающее значение для достижения победы над врагом. Но в действительности любая добытая разведкой информация, даже самая уникальная, только тогда чего-нибудь стоит, когда используется вышестоящими штабами и ведомствами — потребителями информации. А вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято. Весь упор — на героизм и искусство советских разведчиков и их друзей-антифашистов. Героизм, слов нет, был. Ведь эти люди ходили буквально по лезвию ножа и многие заплатили жизнями за свою нелегкую и незаметную для широкой публики работу.

Я хочу рассказать о нескольких подлинных и мнимых агентах советской разведки, работавших в годы Второй мировой войны, равно как и о некоторых предполагаемых агентах германских спецслужб в Советском Союзе. Речь также пойдет о некоторых сложных играх друг против друга советских и германских спецслужб.

От мифов тяжело избавляться, но жить с мифами опасно. Мифологизируя историю, мы утрачиваем также и реальное представление о нашем настоящем. А история разведки — это одна из наиболее мифологизированных отраслей исторического знания. Я очень надеюсь, что хотя бы некоторые из устоявшихся мифов мне удастся заменить более или менее правдоподобными версиями.

**Подлинная история Николая Кузнецова:
ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ ПАУЛЬ ЗИБЕРТ И НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ОХОТА
НА «БОЛЬШУЮ ТРОЙКУ» В ТЕГЕРАНЕ**

Широко распространено мнение, что германские спецслужбы планировали организовать покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране и только благодаря бдительности советских контрразведчиков зловещие замыслы не были реализованы. В СССР первое сообщение о несостоявшемся покушении на «Большую» появилось 19 декабря 1943 года. В этот день газета «Правда» поместила корреспонденцию из Лондона, помеченную 17-м числом: «По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они смогли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной, в то время как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...».

После окончания войны были опубликованы документы Тегеранской конференции «Большой тройки». Уже в послании Сталину от 24 ноября 1943 года Рузвельт выражал беспокойство по поводу обеспечения безопасности уча-

стников встречи в Тегеране: «Я знаю, что ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили (явно из советских источников. — Б. С.), что все трое из нас подвергались бы ненужному риску, отправляясь на заседания, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга. Где, по вашему мнению, должны мы жить?».

Запись беседы наркома иностранных дел В. М. Молотова с послом США в Москве Авереллом Гарриманом, состоявшейся в советском посольстве в Тегеране в ночь с 27 на 28 ноября 1943 года, свидетельствует, что у «дядюшки Джо» было вполне определенное мнение, где лучше всего остановиться американскому президенту. Вячеслав Михайлович, зная об озабоченности Рузвельта проблемой безопасности, еще больше пугал американцев: «В последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать. Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства».

Гарриман, похоже, испугался, но, чтобы сохранить лицо, сделал вид, что президент и сам собирался поступить именно так, до всяких молотовских страшилок: «Рузвельт с самого начала предполагал остановиться в советском посольстве с целью избежать переездов. Но в последнее время ему, Рузвельту, сообщили, что передвижение по улицам совершенно безопасно, и поэтому, а также для того, чтобы не создавать неудобного положения для Черчилля, он решил остановиться в американском посольстве. Я не сомневаюсь в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, хотел бы получить более подробную информацию».

И Молотов такую информацию охотно предоставил: «Речь идет о лицах, связанных с германским агентом в

Иране Майером (резидент германской разведки, настоящая фамилия которого Рихард Август; еще в августе 43-го его арестовала британская контрразведка. — Б. С.). В отношении группы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты. Поэтому представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве».

Гарриман с облегчением подтвердил, что не сомневается: президент в Тегеране воспользуется советским гостеприимством. Но попросил уточнить, имеется ли в виду возможность покушения или речь идет о демонстрациях, которые прогерманские элементы могут устроить в персидской столице.

Молотов ответил уклончиво, поскольку слишком запугивать американцев тоже не стоило — вдруг Рузвельт вообще испугается ехать в Тегеран: «Эти элементы могут предпринять враждебные акты против кого-либо из руководителей наших государств и спровоцировать инцидент, который вызовет ответные меры. При этом могут пострадать невинные люди. Этого следует избежать, так как это выгодно лишь немцам и крайне нежелательно для союзников. Если что-либо случится, то будет непонятно, почему не было осуществлено первоначальное предложение».

Гарриман обещал тотчас передать президенту полученные сведения и выразил уверенность, что, раз маршал Сталин считает наилучшим решением, чтобы президент остановился в советском посольстве, то Рузвельт так и сделает. Действительно, днем 28 ноября президент Рузвельт покинул американскую миссию и срочно перебрался в советское посольство. Ему щедро отвели главное здание. Сталин же со своими спутниками скромно разместился во флигелях.

Черчилль тоже был обеспокоен возможными происшествиями германских агентов в Тегеране и полностью одобрил решение Рузвельта. Британский премьер писал в мемуа-

рах: «Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента (у американцев был богатый и печальный опыт удавшихся покушений на собственных президентов, что не помешало через 20 лет убийце-одиночке Ли Харви Освальду уложить наповал Джона Фицджеральда Кеннеди. — Б. С.). Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всей конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у

нас глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, — сказал он, — это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в здание русского посольства, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны».

Англичане и американцы, как кажется, были настолько наивны, что полагали: Сталин приглашает Рузвельта в советское посольство исключительно из-за заботы о безопасности дорогого гостя. Думаю, не все здесь обстояло так просто. И далеко не случайно советская сторона щедрым жестом уступила американской делегации главное здание посольства. Оно наверняка было напичкано «жучками», и там легче было осуществлять прослушивание конфиденциальных разговоров Рузвельта со свитой. Да и психологически сам факт пребывания в советском посольстве должен был сделать американского президента более восприимчивым к аргументам Сталина. Не говоря уже о том, что нагнетаемая «дядюшкой Джо» в Тегеране атмосфера страха должна была побудить западных партнеров больше ценить союз с ним и сделать Рузвельта и Черчилля более покладистыми.

Между прочим, версию с советскими подслушивающими устройствами в апартаментах Рузвельта в Тегеране подтверждает сын Лаврентия Берии Серго, учившийся на факультете радиосвязи военной электротехнической академии в Ленинграде. Вот что он рассказывает: «Я уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая

из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба — приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: «Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте».

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецлаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер:

— Вас вызывают.

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

— Видишь, — говорит отец, — где встретились? Тегеран... Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подзабыл? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

— Да нет, — говорит отец. — Нормально поговорите.

Отец послушал нас и сказал:

— Нормально, не забыл.

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле:

— Только имей в виду: это довольно тяжелая и монотонная работа.

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

— Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

— Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не расспрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно...

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии — обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но, конечно же, Сталин не читал никогда, да и не собирался читать весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем,

была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт. Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны... находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы... обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было... не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим, по объему всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полтора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем... Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал: «Убежденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?».

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром — к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли.

Присутствие Лаврентия Берию в Тегеране во время встречи Большой тройки подтверждает и сталинский переводчик В. М. Березков. Валентин Михайлович вспомина-

ет: «На Тегеранской конференции в советскую делегацию официально входили только Сталин, Молотов и Ворошилов. Но с ними в советском посольстве находился также и Берия. Каждое утро, направляясь к зданию, где проходили пленарные заседания, я видел, как он объезжает территорию посольского парка в "бьюике" с затемненными стеклами, подняв воротник и надвинув на лоб фетровую шляпу. Поблескивали только стекла пенсне». Бережков, по всей вероятности, не подозревал, какими «неэтичными делами» занимается в Тегеране грозный шеф НКВД.

Вот где собака зарыта! Дядюшке Джо очень хотелось послушать, о чем говорят между собой друг Уинстон и друг Франклин. А удобнее всего это было сдать, поселив Рузвельта в советском посольстве. Потому-то Иосиф Виссарионович и предоставил широким жестом американскому президенту главное здание советского посольства, что там заранее «специалисты из спецлаборатории» расставили скрытые от посторонних глаз микрофоны. А чтобы побудить Рузвельта воспользоваться сталинским гостеприимством, была пущена в ход легенда о якобы готовящемся германской разведкой покушении на лидеров Антигитлеровской коалиции.

В данном случае отношения Сталина с его западными партнерами напоминают один известный анекдот. Американец из техасской глубинки впервые побывал в Лондоне и возвращается оттуда со ста тысячами долларов.

— Билл, откуда у тебя такие деньги? — спрашивают его земляки.

— Выиграл в покер.

— Ой, как же тебе повезло!

— Да ничего особенного. Сел я играть с двумя британскими лордами. Ну, сделали ставки, сравнялись. Я открываю свои карты — тройка. Англичанин говорит: «У меня флеш-рояль» — и забирает деньги. Я — ему: «Ты флеш-то покажи, открой карты». А он — мне: «Ну что вы, сэр, мы же джентльмены». Джентльмены? Ну-ну... Ох, поперла же мне карта...

Рузвельт и Черчилль, равно как и начальники их охраны, вели себя в точности, как те лорды, и в мыслях не допуская, что друг и союзник будет за ними шпионить во время конференции. Сталин же, зная заранее об истинной реакции Черчилля и Рузвельта на сделанные им предложения, имел на руках все козыри. Карта, по крайней мере дипломатическая, ему еще как перла!

На чем же основывались те предупреждения, которые Молотов довел до сведения американцев? Если верить книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева «Сильные духом», первое покушение на Сталина, равно как и на президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, готовилось германской разведкой в 43-м году во время встречи «Большой тройки» в Тегеране. Информация об этом поступила от действовавшего во взаимодействии с отрядом Медведева легендарным разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Прежде чем проанализировать события, связанные с этим действительно планировавшимся или мнимым покушением, я хочу на личности того, которые миллионы кинозрителей фильмов «Сильные духом» и «Отряд особого назначения» и читателей одноименной книги Д. Н. Медведева запомнили под именем обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта, агента по кличке «Пух» и партизана медведевского отряда по имени Николай Васильевич Грачев.

Это был незаурядный артист, сыгравший роль обер-лейтенанта Зиберта лучше, чем сыгравшие потом роль самого Кузнецова в кино профессиональные актеры Гунар Циллинский и Александр Михайлов. Николай Иванович родился 14/27 июля 1911 года в глухой деревне Зырянская тогдашней Пермской губернии (ныне эта деревня — в Свердловской области). Первоначально родители-старобрядцы нарекли его Никанором. Однако в начале 30-х годов по непонятной причине Никанор превратился в Николая. Хотя ни капли немецкой крови не было у Кузнецова, он совершенно свободно говорил по-немецки. И внешность у

Николая Ивановича была абсолютно арийская — высокий статный блондин, настоящая белокурая бестия!

Немецким будущий разведчик овладел так хорошо, потому что в маленьком городке Талица, где Кузнецов учился в школе-семилетке, была небольшая колония бывших австрийских пленных, осевших на уральской земле. С ними маленький Никанор много говорил по-немецки, совершенствуясь в разговорной речи. У него была природная способность к языкам. Школьник, в частности, овладел только вошедшим тогда в моду эсперанто. Вот Талицкий лесотехнический техникум окончить не успел. В декабре 1929 года Кузнецова исключили из комсомола «за сокрытие кулацкого происхождения» и отчислили из техникума за полгода до завершения курса. В ноябре 31-го ему удалось восстановиться в комсомоле, представив справки, что отец в гражданскую служил в Красной армии, а до этого, хоть и был зажиточным крестьянином, но батраков не эксплуатировал. Но досдавать после реабилитации экзамены в техникуме Николай Иванович уже не стал.

В 1932 году Кузнецов, работавший в центре Коми-Пермяцкого национального округа Кудымкаре лесоустроителем, был арестован по обвинению в хищениях. Чекисты обратили внимание на человека с поразительными лингвистическими способностями. Ведь коми-пермяцкий язык — не самый легкий для русского человека, а Кузнецов освоил его поразительно быстро. Арест произошел 4 июня, а уже 10 июня Николай Иванович дал подписку о работе секретным сотрудником ОГПУ и получил кличку «Кулик». Вполне вероятно, что ему намекнули: если откажешься быть сексотом, к хозяйственным статьям добавим политическую. Очень может быть, что на Кузнецова был уже донос, содержащий его будто бы «контрреволюционные разговоры». Органы сделали будущему разведчику такое предложение, от которого он не смог отказаться. В результате на суде выяснилось, что сам Кузнецов к хищениям не причастен, зато его начальство получало деньги и продукты по подложным ведомостям. Начальникам дали от 4 до 8 лет лагерей. Николаю Ивановичу же за халатность опре-